

ДИПЛОМАТИЯ АНТАНТЫ И ПРОЕКТ КОНФЕРЕНЦИИ НА ПРИНЦЕВЫХ ОСТРОВАХ *

Проф. Б. Штейн

Парижская мирная конференция формально положила конец состоянию войны, начавшейся 1 августа 1914 г. между державами Антанты, с одной стороны, и центральными державами — с другой. Состояние войны прекратилось в момент подписания мирных договоров с Германией — 28 июня 1919 г., Австрией — 10 сентября 1919 г., Болгарией — 27 ноября 1919 г., Венгрией — 4 июня 1920 г. и Турцией — 10 августа 1920 года. Однако сводить Парижскую мирную конференцию только к заключению упомянутых мирных договоров было бы абсолютно неправильно. Достаточно вспомнить, какое место и время в работах конференции занимал вопрос о создании Лиги наций и о выработке её устава. Уже этот один факт свидетельствует о том, что речь шла не столько о выработке формальных мирных договоров, сколько о создании послевоенного статута мирового устройства. По разнообразию тематики своих работ в течение более чем полуторалетнего существования Парижская конференция, несомненно, превосходила любую конференцию или конгресс XIX и XX веков. Только один Венский конгресс мог бы быть сравнен в этом смысле с Парижской конференцией.

Задачей настоящей работы является исследование одного из многочисленных вопросов, обсуждавшихся на Парижской конференции, — «русского вопроса». «Русский вопрос» не только занял огромную часть времени конференции, но по своему значению не уступал германскому, т. е. тому вопросу, ради решения которого конференция формально была созвана. Одной из задач настоящей работы является выявление значения «русского вопроса» для судеб Парижской конференции. Вторая причина выбора этой темы заключается в том, что в истории внешней политики СССР «русский вопрос на Парижской конференции» является чрезвычайно важным элементом. Именно дискуссия по «русскому вопросу» в Париже заложила основы «русской политики» многих государств, политики, развивавшейся в течение ряда последующих лет. Политика вооружённой интервенции, экономической блокады и «санитарного кордона», с одной стороны, политика сосуществования в её разнообразных формах — с другой, — всё это развивается впоследствии, базируясь на дискуссии Парижской мирной конференции.

Наконец, третьей причиной, побудившей автора остановиться на этой теме, является её актуальность. Речь идёт, разумеется, не о совпадении или аналогии условий, создавшихся в «русском вопросе» в 1919 г., после первой мировой войны, и сейчас, после второй мировой войны. Вряд ли нужно подчёркивать, что никакой аналогии между этими двумя ситуациями нет. Достаточно вспомнить международное положение Советской республики в 1919 г., чтобы отбросить всякую мысль о возможности какого-либо сравнения её слабости того периода с мощью и международным влиянием Советского Союза в настоящее время. Тем не менее нельзя не заметить, что при всём различии международной обстановки и положения СССР ряд враждебных тенденций, господствовавших на Париж-

* Глава из подготовленной автором монографии «Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг.».

ской конференции 1919 г. по «русскому вопросу», имеет место и в настоящее время при обсуждении проблем международной политики.

Переходя к вопросу о литературе, относящейся к исследуемому нами вопросу, необходимо отметить её недостаточность. До настоящего времени, несмотря на более нежели четверть века, отделяющую нас от Версаля, тема «русский вопрос» не нашла своего исследователя. Что касается иностранных историков, — это, пожалуй, не так удивительно: изучение «русского вопроса» на Парижской конференции отнюдь не привело бы их к выводам положительного характера по отношению к внешней политике большинства правительств западноевропейских держав и США. «Русский вопрос» на Парижской конференции — это история вооружённой интервенции по отношению к великому народу, совершившему Октябрьскую социалистическую революцию, история организации контрреволюции, история полного поражения интервенции и контрреволюции. Немного нашлось историков, склонных заняться этой печальной страницей истории внешней политики западноевропейских государств и США. Удивительным является почти полное отсутствие исследования указанной темы со стороны советской исторической науки.

Отсутствие Советского Союза среди участников Парижской мирной конференции не означало, что советская внешняя политика этого периода не занималась Парижской мирной конференцией. Документация внешней политики СССР за этот период, опубликованная в настоящий момент¹, устанавливает, что внешняя политика СССР в этот период была весьма активна. К сказанному следует прибавить, что огромное количество документов, относящихся к этому периоду, по разным причинам до сих пор ещё не опубликовано и ждёт своего исследователя.

За последние годы переводная литература, посвящённая Парижской мирной конференции, значительно обогатилась. В последние три—четыре года некоторые из этих работ появились в переводе на русский язык. К числу этих работ следует отнести такие, как «Мир» А. Тардьё, «Дипломатическая война» Л. Альдрованди Марескотти, «Как делался мир в 1919 году» Г. Никольсона.

Что касается самостоятельных исследований, то ими наша литература вряд ли может похвастаться: кроме нескольких статей и брошюр, в советской литературе по этому вопросу не имеется ничего.

Несмотря на то, что отмеченные выше переводные работы трёх авторов — активных участников Парижской мирной конференции — значительно обогатили литературу предмета на русском языке, тем не менее следует всё же подчеркнуть, что, давая много ценнейших материалов, касающихся Парижской мирной конференции в целом, эти работы уделяют сравнительно мало места исследованию так называемого «русского вопроса». Это и понятно, поскольку все упомянутые авторы отнюдь не являются историками-исследователями. Каждый из них своей книгой преследовал определённую политическую задачу, причём эти задачи были весьма далеки от объективного исследования именно «русского вопроса». А. Тардьё написал свою книгу (появившуюся в русском переводе лишь в 1943 г.) в 1921 г., по свежим следам только что закончившейся Парижской конференции. Эта книга, как известно, посвящена даже не Парижской мирной конференции как таковой, а Версальскому миру. Она вся проникнута актуально-политическими тенденциями того периода. «Русскому вопросу» Тардьё уделяет весьма незначительное место, не давая при этом какого-либо общего представления о той роли, какую играл этот вопрос на конференции.

Альдрованди Марескотти, книга которого появилась в итальянском издании в 1934 г., имел своей задачей показать, как союзники «обделили»

¹ «Внешняя политика СССР». Документы под ред. С. А. Лозовского и Б. Е. Штейна. Т. I. 1944.

Италию на конференции. Книга Альдрованди Марескотти в отличие от книги Тардые представляет собою дневник с каждодневными записями (я оставляю в стороне вопрос о том, насколько эти записи 1919 г. остались неизменёнными в книге 1934 г.). Этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что «русскому вопросу» в книге Альдрованди Марескотти уделяется больше внимания, нежели в книге Тардые. Однако и этот автор, ни в какой мере не ставивший своей задачей исследование «русского вопроса», прибегает к сокращениям. Так, например, в том месте его дневника, где дело касается дискуссии, посвящённой «русскому вопросу», Марескотти записывает: «Вводят Чайковского», — и далее следуют точки. Таким образом, советский читатель из книги «Дипломатическая война» отнюдь не узнаёт ни того, что говорил Чайковский, ни того, в чём заключалась дискуссия в Совете четырёх после заслушания Чайковского.

Столь же мало данных, касающихся «русского вопроса», имеется и в книге Г. Никольсона «Как делался мир в 1919 году». Отдельные записи, отрывочные замечания далеко не объективного характера — вот всё, что имеется у Никольсона. При этом не следует забывать, что книга его содержит две части: «Как это было» и «Как это тогда представлялось». Двойной аспект исследования весьма сильно вредит объективности изложения.

Если говорить о литературе, изданной на русском языке, следует, конечно, иметь в виду в первую очередь военные мемуары Ллойд Джорджа и мемуары полковника Хауза. Правда, как у Ллойд Джорджа, так и у Хауза мемуары посвящены не только Парижской конференции: они относятся также к периоду, предшествовавшему конференции. Тем не менее страницы, касающиеся переговоров на конференции, чрезвычайно важны, и ни один исследователь не может пройти мимо них. На русском языке имеются и другие работы, посвящённые Парижской мирной конференции; это работа Новака «Версаль» и работа недавно умершего известного английского экономиста Д. Кейнса «Экономические последствия Версальского мира».

К сожалению, такая фундаментальная работа (шесть томов), как «История Парижской мирной конференции» А. Темперлея, до сих пор не переведена на русский язык. Между тем работа Темперлея до последнего времени, во всяком случае, являлась наиболее документированным исследованием, касающимся Парижской мирной конференции.

Возвращаясь к вопросу об исследовании русской проблемы на Парижской мирной конференции, следует заметить, что даже такой исследователь, как Темперлей, допускает значительную небрежность и неточность в изложении «русского вопроса». Так, в главе, посвящённой теме «Большевики и дипломатия», Темперлей представляет П. Н. Милюкова в качестве лидера социалистов-революционеров (что не мешает на следующей странице говорить о нём как о лидере кадетов), а лидера октябристов Гучкова превращает в генерала. Кроме того, «русский вопрос» в книге Темперлея освещается общо, обычно в связи с какими-нибудь другими проблемами (например, очень часто с польской). Лишь в одной главе, уже указанной нами, он пытается подытожить эту проблему, но делает это весьма поверхностно и выходит хронологически за рамки Парижской конференции, доводя своё изложение вплоть до Гаагской конференции 1922 года.

Полностью протоколы Парижской конференции никогда не были опубликованы. Частично они были использованы уже упомянутыми выше авторами. Однако только издание государственного департамента США может считаться действительной публикацией протоколов конференции. К вышедшим ранее томам документов государственного департамента, под общим названием «Документы, относящиеся к внешним сношениям Соединённых Штатов» и частично посвящённым Парижской мирной кон-

ференции, в последнее время прибавился том XI (вышедший в конце 1945 г.) — протоколы американской делегации на Парижской мирной конференции с 31 января по 4 сентября 1919 года. Отдельные документы, приложенные к этому тому, относятся и к более позднему периоду — до декабря 1919 года. Наконец, в марте 1946 г. появился том VII, содержащий в себе протоколы заседаний Совета глав делегаций в период между 1 июля и 28 августа 1919 года. Ценность этого тома особенно велика, поскольку после подписания Версальского договора Совет глав пяти делегаций (США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) представлял собою основной и, по существу, единственный орган Парижской мирной конференции.

Появление этого тома представляет особый интерес вследствие того, что в нашей литературе сделалась обычным явлением подмена темы «Парижская мирная конференция» темой «Версальский договор». Почти все советские исследователи обрывают Парижскую мирную конференцию датой 28 июня 1919 г., т. е. датой подписания Версальского договора с Германией. Между тем, как известно, Парижская мирная конференция просуществовала ещё более года после подписания Версальского договора. Это обстоятельство отражается также и на ходе изучения «русского вопроса» на конференции. Если на Парижской мирной конференции до подписания Версальского договора «русский вопрос» хотя бы в минимальной мере нашёл своих исследователей, то после подписания этого договора им уже никто не интересовался.

★
К осени 1918 г. вооружённая интервенция союзников приобрела большой размах. Её «баланс» представлялся в следующем виде: на Дальнем Востоке, кроме японцев, высадившихся 5 апреля во Владивостоке, 9 августа 1918 г. высадился французский десант, 12-го — английский, а 16-го — американский. В количественном отношении, однако, японские силы стояли на первом месте. Японские интервенты подвергли захваченные ими территории самому хищническому разграблению, а население — беспощадному террору.

В Сибири и на Дальнем Востоке продолжало развиваться чехословацкое восстание. 6 августа 1918 г. была занята Казань. В Мурманске хозяйничали английские интервенты. 31 июля английские отряды захватили Онегу, а 5 августа, в результате кровопролитных боёв при поддержке с моря крейсеров и миноносцев, захватили Архангельск. Вскоре англичане покончили с фикцией «соглашения» с местной советской властью (договор в марте 1918 г. с Мурманским советом) и сформировали эсеровско-белогвардейское правительство Чайковского, получившее официальное признание со стороны правительства Антанты.

В середине лета 1918 г. началась английская интервенция на Кавказе. 24 июля 1918 г. Бакинский совет голосами дашнаков, меньшевиков и правых эсеров принял решение о приглашении английских войск для оккупации Баку. Это решение было мотивировано необходимостью «защиты Баку от наступающих турецких войск», пропущенных меньшевистским правительством Грузии через её территорию. Протесты большевиков, вскрывших истинную причину и сущность «помощи» англичан, не помогли. Власть в Баку была захвачена правыми эсерами, дашнаками, меньшевиками и муссаватистами. 26 бакинских комиссаров во главе с тов. Шаумяном были заключены в тюрьму, а затем увезены в Красноводск, где находилось образованное англичанами контрреволюционное закаспийское «правительство». 20 сентября 1918 г. они были расстреляны. Баку был оккупирован английскими войсками, причём эта оккупация продолжалась до сентября 1918 г., когда англичане вынуждены были уйти

под натиском турецких войск. После капитуляции Турции англичане снова вернулись в Баку.

В этот период «партия объявила страну военным лагерем и перестроила её хозяйственную и культурно-политическую жизнь на военный лад... Партия подняла народ на отечественную войну против нашествия войск иностранной интервенции, против мятежей свергнутых революцией эксплуататорских классов»².

Одновременно с лево-эсеровским мятежом и убийством Мирбаха 6 июля в Ярославле вспыхнуло восстание, во главе которого стоял эсер Савинков, получивший инструкции от дипломатического представителя Великобритании Локкарта и французского посла Нуланса. В августе 1918 г. эсерами было совершено злодейское покушение на Ленина. Заговорщики стремились открыть дорогу интервентам, свергнув советское правительство и образовав своё. Среди этих заговорщиков были «левые» эсеры, «левые» коммунисты во главе с Бухариным и троцкисты.

Оценивая положение на Украине в этот период, И. В. Сталин писал в журнале «Жизнь национальностей» 1 декабря 1918 г.: «В то время, как немецкий империализм доживает последние дни, а «гетманство» переживает последние судороги, англо-французский империализм сосредоточивает войска в Румынии и готовит десант в Крыму для оккупации Украины. Они, англо-французские империалисты, хотят занять теперь вакантное место оккупантов Украины. Вместе с тем всплывает на поверхность «Украинская директория», во главе с авантюристом Петлюрой, с лозунгом старой «самостийности» на «новый» лад, — новая, более удобная, чем «гетманство», ширма для новой «англо-французской» оккупации Украины!»³.

И. В. Сталин предупреждал, что «настоящая борьба на Украине ещё впереди». Союзная интервенция на юге России началась вскоре после перемирия на Западном фронте и капитуляции Германии. На совещании в Яссах осенью 1918 г. русские контрреволюционные организации совместно с дипломатическими представителями стран Антанты обсуждали вопрос о способах восстановления Восточного фронта и об организации антисоветской интервенции. Ясское совещание постановило просить союзников немедленно прислать вооружённые силы на Украину.

27 октября 1918 г. Клемансо отправил ген. Франше д'Эспере, командовавшему военными силами союзников на востоке, телеграмму, в которой предлагал ему совместно с ген. Бертело начать интервенцию в Южную Россию, как только «окончательная капитуляция Турции позволит нам проникнуть в Одесский район через Чёрное море», предварительно же заняться «изучением условий выполнения возможных действий в Южной России»⁴.

Декларация Пишона от 29 декабря о «русской политике» вызвала резкие протесты левых депутатов, требовавших прекращения вооружённой интервенции. Председатель совета министров Клемансо выступил с дополнительным объяснением о необходимости «санитарного кордона», т. е. экономической и военной блокады против Советской России. В то же время Клемансо в ряде выступлений предлагал шире развернуть помощь русским белогвардейским армиям.

На этот новый план его толкнули два обстоятельства: разложение французских войск, не желавших больше воевать против Советской России, и широкое недовольство политикой открытой интервенции в самой Франции. Клемансо считал поэтому более выгодным и удобным оказать усиленную помощь белогвардейским армиям инструкторами, оружием, боеприпасами и т. д.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 218. М. 1938.

³ И. В. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 68. Партиздат, 1936.

⁴ Марти А. «Восстание на Чёрном море». 1932.

23 ноября 1918 г. эскадра союзников прибыла в Новороссийск, в конце ноября — начале декабря союзные войска произвели высадку в Одессе, Севастополе и на Кавказе, а также в Закаспийской области. К февралю 1919 г. в одном Одесском районе находилось до 12 тыс. французских войск. Англо-французская эскадра, состоявшая из трёх дредноутов, 8 крейсеров, 12 миноносцев и большого числа транспортов, блокировала берега Чёрного моря, не пропуская ни одного судна, шедшего не под союзным флагом. В марте и апреле 1919 г. наступление Красной Армии заставило интервентов в спешном порядке эвакуировать советскую территорию. С другой стороны, эта спешная эвакуация французских войск была вызвана восстанием под руководством Марти французского флота в Одессе.

Характер союзной и, в частности, французской интервенции на юг России, её цели и методы могут быть иллюстрированы соглашением, которое французское командование заключило с Украинской директорией (Петлюрой). На основании этого соглашения Петлюра должен был сформировать в течение года армию в 300 тыс. человек под руководством французских инструкторов. За эту помощь Франция получала концессию на все украинские железные дороги на 50 лет, таможни на Чёрном море, излишки зерна и три четверти добычи угля, уплату всех долгов, причинённых Францией от царского и Временного правительств; вся финансовая, торговая, промышленная и военная политика Украины должна была быть в течение пяти лет под контролем Франции⁵.

К концу 1918 г. между Советской республикой и державами Антанты, а также большинством нейтральных стран прервались всякие дипломатические отношения. Попытка советского правительства в июле 1918 г. добиться переезда послов стран Антанты в Москву не увенчалась успехом. 22 июля они покинули Вологду и выехали в Архангельск, а затем — в Мурманск. Вскоре после этого они покинули территорию Советской России. Под давлением держав Антанты даже такие нейтральные страны, как Швеция, Швейцария и Дания, предложили советским дипломатическим представителям покинуть их территорию.

Несмотря на все эти «успехи» интервенции к концу 1918 г. и на полный разгром Германии и её капитуляцию 11 ноября 1918 г., в правящих кругах держав Антанты наметились серьёзные разногласия по вопросу о способах дальнейшей борьбы с советскими республиками. Эти разногласия выявились уже в начальный период Парижской мирной конференции.

Общая военная обстановка, сложившаяся к этому времени, отнюдь не внушала руководителям вооружённой интервенции сколько-нибудь радужных надежд на решительную победу. Да и вряд ли можно было в этот момент вообще говорить о победе. Забегая несколько вперёд, следует отметить, что в ноте от 4 февраля 1919 г., в которой советское правительство давало согласие участвовать в конференции на Принцевых островах, сообщалось о крупных военных успехах советских войск на Северном и Восточном, Южном фронтах и на Украине⁶.

Что военная обстановка была освещена в ноте советского правительства отнюдь не субъективно, подтверждается и другим документом, опубликованным лишь в 1943 г. в издании государственного департамента США. Это доклад ген. Альби, сделанный им по предложению Клемансо на заседании Совета десяти 15 февраля 1919 г., через одиннадцать дней после советской ноты. В этом докладе (послужившем базой общей дискуссии по «русскому вопросу») говорилось следующее:

«1. Северный фронт (Архангельский Мурманский районы).

⁵ См. Марти А. Указ. соч. Самый текст договора напечатан в книге Даль-иен А. «Союзники против России», изданный в Париже в 1926 году.

⁶ «Внешняя политика СССР». Сборник документов, Т. I.

Большевистские силы, предприняв решительное наступление, принудили союзные контингенты к значительному отступлению между Вологодской железной дорогой и Двиной. Тем не менее командующий британскими войсками ген. Айронсайд утверждает, что он является господином положения и что он сможет продолжать наступление, если придут подкрепления с Мурманского фронта.

II. Западный фронт (Балтика, Литовский и Польский районы). В Петроградском районе и на финской границе большевистские силы немногочисленны и не имеют большого военного значения. Ген. Маннергейм считает, что он может без всякой помощи взять Петроград, если союзники готовы оказать ему помощь в продовольствии для населения города.

III. Южный фронт (Украина, Дон, Северный Кавказ, Каспий). На Украине большевики быстро и без затруднений продвинулись и недавно взяли Киев, Харьков, Екатеринослав и значительную часть Донецкого бассейна. Они могут встретить сопротивление франко-греческих войск, оккупирующих Одессу и Херсон. Украинская директория (Винниченко — Петлюра), силы которой рассеяны или перешли к большевикам, готовится скрыться в Галицию.

IV. Восточный фронт (Урал и Западная Сибирь). Сибирская победа над Пермью не имела продолжения. Красная Армия, наоборот, предприняла наступление по всему фронту и, захватив Оренбург, оказалась в состоянии отделить казаков Дутова от ядра сибирской армии и связаться (установить связь) с советскими частями Туркестана. Эта обстановка вызывает беспокойство ген. Жанена. Сибирские войска неудовлетворительно обучены, и их моральное состояние падает. Офицеры негодны и недисциплинированы.

V. Суммируя сказанное, можно отметить, что красные войска в настоящее время продвигаются на всех фронтах, за исключением Эстонии. Благодаря этим успехам, большевики добились: а) несомненных моральных выгод, б) значительных запасов (сельскохозяйственных продуктов на Украине и в Туркестане и угля в Донецком бассейне). Этими успехами они обязаны: а) превосходству Красной Армии как в отношении человеческих ресурсов, так и в отношении оснащения, б) их несомненному улучшению организации и дисциплины, в) отсутствию сотрудничества среди противников, которые скверно снабжены и чье моральное состояние скверное, г) своей систематической пропаганде, на которую не жалеют средств и которая всегда предшествует военным действиям.

То, что Красная Армия имела до сих пор успехи, объясняется тем обстоятельством, что она не встречала противника более сильного как в количественном, так и в моральном отношении. При лучшем руководстве и снабжении, даже если они меньше числом, чем советские, регулярные союзные войска могут легко нанести поражение большевикам. Такой успех может быть легко достигнут недорогим путём. Он предполагает достаточное техническое снабжение танками и бомбардировщиками, каковые средства совершенно отсутствуют у большевиков и с действием которых их низкое (sic!) моральное состояние окажется неспособным бороться⁷.

Доклад ген. Альби, сделанный на заседании Совета десяти и разосланный по предложению Клемансо всем членам Совета, проливает свет на всё последующее обсуждение «русского вопроса», а главное, на те решения, которые были вынесены по этому вопросу. Несмотря на то, что в заключительных фразах доклада автор пытается подбодрить Совет десяти и внушить его членам радужные надежды, тон ген. Альби не оставляет сомнений в том, что дела союзников идут более чем плохо. В самом

⁷ Papers relating to the foreign relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. IV, pp. 10, 11, 12, 13, W. 1943.

деле: к декабрю 1918 г. большевики наступали на всех фронтах, за исключением Эстонии. Правда, ген. Айронсайд утверждает, что он является господином положения на Северном фронте, а ген. Маннергейм заявляет, что он может в любой момент взять Петроград даже без всякой помощи, но члены Совета ясно понимают, что всё это—пустое бахвальство. «Господин положения» на Северном фронте вынужден отступать, а генерал, который может взять Петроград, не берёт его только потому, что заботится о пропитании его жителей после того, как его захватит.

Ген. Альби явно не отдавал себе отчёта в действительных причинах поражения союзников после года вооружённой интервенции. Генерал не видел ничего, что выходило за рамки его профессиональных воззрений. Его рассуждения на тему о «моральном состоянии» большевиков путанны и не сводят концы с концами. Иначе оценивал причину военного поражения интервенции такой крупный политический деятель, каким был Ллойд Джордж. Давая оценку борющимся в России сил, Ллойд Джордж писал: «Сведения, поступившие от наших самых надёжных и наиболее осведомлённых агентов в России, убеждают меня, однако, что огромное большинство населения России, хотя и не принадлежит к коммунистам, но решительно предпочитает власть большевиков правлению сторонников старого режима; я убедился, что русские, безусловно, не будут участвовать в каких-либо затеях, целью которых будет восстановление старого режима. Крестьяне не доверяют белым по двум причинам: во-первых, они устали от войны и не намерены больше воевать ни вместе с иноземцами, ни против них, если только эти иноземцы не вторглись в Россию (подчёркнуто мною. — Б. Ш.)... большевики выдвинули на первый план требование мира, и Брестлитовский договор показал, что они готовы заплатить за мир, если он обеспечивает им сохранение власти. Был и другой, такой же, если не более сильный фактор, — пассивная поддержка крестьян, не желавших возвращения помещиков... Немцы ушли. Их уход был встречен крестьянами с полным удовлетворением... Но они так же мало любили французов и англичан. Все иностранцы были для них одинаковы, ведь иностранцы стремились извлечь выгоду только для себя, а вовсе не для русского крестьянина»⁸.

Ллойд Джордж, несомненно, более правильно наметил причины неудачи военной интервенции. Недаром он при обсуждении «русского вопроса» на заседании британского имперского кабинета, показывая на портрет Дитта, напомнил о его неудаче в поддержке французской контрреволюции.

Следует иметь в виду, что писалась эта «правда» значительно позже событий, о которых идёт речь; за это время «русский» опыт Ллойда Джорджа значительно обогатился, и доказательства невозможности свержения советской власти с помощью оружия значительно умножились.

В цитируемой книге Ллойд Джордж стремится уверить читателя в том, что приведённые соображения были высказаны им уже в декабре 1918 года. В известной мере это находит подтверждение в протоколах заседаний как имперского кабинета, так и верховного совета союзников, но только в известной мере. Дело в том, что Ллойд Джордж никогда не отличался ни последовательностью своих взглядов, ни упорством в их систематической защите. Будучи главой коалиционного правительства, в которое входили такие ярые сторонники вооружённой интервенции, как Керзон и У. Черчилль, он много раз менял свою тактику в «русском вопросе». Импульсивный, легко поддающийся впечатлениям, и одновременно искусный тактик, он учитывал борьбу течений в своём кабинете

⁸ Ллойд Джордж Д. «Правда о мирных договорах». Русский перевод, стр. 351—352. Разрядка моя. — Б. Ш.

и в зависимости от этого действовал. Весьма вероятно, что в декабре 1918 г., когда началось обсуждение «русского вопроса» в верховном совете, Ллойд Джордж держался тех взглядов, которые он изложил в приведённой нами цитате. Однако в ноябре того же, 1918 г. правительство, во главе которого стоял Ллойд Джордж, приняло ряд мероприятий, резко противоречивших его декабрьским высказываниям. На заседании военного кабинета 13 ноября 1918 г. намеченное в конвенции 23 декабря 1917 г. разграничение сфер действия между Францией и Англией было подтверждено вновь⁹. 14 ноября 1918 г. английский военный кабинет решил помогать Деникину оружием и военным снаряжением, отправить в Сибирь дополнительные кадры офицеров и военное оборудование и признать Омское правительство де факто. 30 ноября английским представителям в Архангельске и Владивостоке было сообщено, что: правительство Великобритании намерено придерживаться в отношении России следующей политики: «Продолжать занимать Мурманск и Архангельск; продолжать сибирскую экспедицию, попытаться убедить чехов остаться в Западной Сибири; занять (с помощью пяти британских бригад) железнодорожную линию Батум—Баку; оказать генералу Деникину в Новороссийске всякую возможную помощь в смысле снабжения военными материалами: снабдить прибалтийские государства военным снаряжением».

Для понимания выступления Ллойда Джорджа в декабре 1918 и январе 1919 г. с предложением прекратить вооружённую интервенцию и начать мирные переговоры с советским правительством следует иметь в виду, что Ллойд Джордж несмотря на значительные колебания никогда не верил в успех вооружённой интервенции и относился к ней весьма скептически. Это он доказал своей последующей политикой по отношению к Советской России и систематическими попытками начать переговоры с советским правительством всякий раз, когда вооружённая интервенция терпела неудачу. В частности, это имело место в декабре 1918 г., когда вооружённая интервенция потерпела ряд военных неудач.

Продолжение вооружённой интервенции вызывало волнения и даже восстания в английской и французской армиях и возмущение среди широких масс населения Англии и Франции. В ряде пунктов возникли советы солдатских депутатов. В Лондоне произошло выступление отпускников. В Париже и в Сенском округе разразились забастовки. Волнения перебрались в оккупационные части, расположенные в Архангельске, в Сибири, на юге России.

11 ноября 1918 г. британская социалистическая партия под давлением масс в связи с предстоящими парламентскими выборами выпустила манифест с призывом к избирателям предоставить свои голоса только тем кандидатам, которые выступают против интервенции в Советскую Россию. 22 декабря во французском парламенте выступил Марсель Кашен с решительным протестом против интервенции на Украину.

В январе 1919 г. Ленин писал: «Среди буржуазии и правительств Антанты замечаются теперь некоторые колебания. Часть видит, что разложение союзнических войск в России, помогающих белогвардейцам, служащих самой чёрной монархической и помещичьей реакции, уже начинается; что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты. Пример немецких оккупационных войск на Украине достаточно убедителен. Другая часть буржуазии в странах Антанты стоит попрежнему за военное вмешательство в России, за «экономическое окружение» (Клемансо) и удушение советской республики»¹⁰.

⁹ См. Черчилль У. «Мировой кризис», стр. 105.

¹⁰ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 499.

Нужно иметь в виду, что не один Ллойд Джордж проявлял беспокойство в связи с создавшимся в Советской России военным положением. Такое же беспокойство проявляли и те, кто в вопросе о вооружённой интервенции держались взглядов, диаметрально противоположных взглядам Ллойда Джорджа. Я имею в виду в первую очередь Уинстона Черчилля, бывшего в то время военным министром Великобритании, и начальника имперского генерального штаба, генерала (впоследствии фельдмаршала) Г. Вильсона.

31 декабря 1918 г. произошли два события, нашедшие отражение в дальнейшем развитии «русского вопроса». В этот день войска Красной Армии освободили Уфу от чехословаков и белогвардейцев. В этот же день имперский кабинет по предложению Г. Вильсона обсуждал общую линию английской внешней политики в «русском вопросе».

Это обсуждение, помимо других причин, было вызвано приближением мирной конференции. Программа конференции, по представлению её основных участников, должна была обнимать все вопросы послевоенного устройства мира, а следовательно, и «русский вопрос» как одну из важнейших проблем мировой политики. К тому же документ, известный под именем 14 пунктов Вильсона, оценивался (хотя и без энтузиазма со стороны европейских государственных деятелей) как политический базис послевоенного устройства. Между тем п. 6 программы Вильсона касался именно «русского вопроса» и был сформулирован в его речи 8 января 1918 г. в духе полного невмешательства в русские дела.

«Эвакуация всей русской территории и такое урегулирование всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит самое полное и свободное сотрудничество других наций мира в предоставлении ей беспрепятственной и ничем не стеснённой возможности принять независимое решение относительно её собственного политического развития и её национальной политики и гарантирует ей радушный приём в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберёт; но не только приём, а и всяческую поддержку во всём, в чём она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России в грядущие месяцы со стороны сестёр-наций послужит лучшей проверкой их доброй воли и понимания ими её нужд, которые отличаются от собственных интересов этих наций, — проверкой их разумной и бескорыстной симпатии»¹¹.

В то же время официальный американский комментарий к этим пунктам, составленный в октябре 1918 г., представлял собою открытую программу интервенции и расчленения Советской России. Следует отметить этот документ в качестве доказательства того, что программа мирной конференции, как она рисовалась в октябре — ноябре 1918 г., безусловно предусматривала обсуждение «русского вопроса». Поскольку это так, Ллойд Джордж, конечно, должен был внести на обсуждение имперского кабинета всю проблему в целом.

Наконец, следует отметить активность мирной политики советского правительства, которое в течение октября — декабря 1918 г. выступило с рядом систематически следовавших друг за другом мирных предложений¹². Хотя все эти предложения формально оставались без ответа,

¹¹ Архив полковника Хауза. Т. IV, стр. 151. М. 1944.

¹² Несмотря на то, что в течение всего лета и осени 1918 г. вооружённая интервенция союзников не только не прекращалась, но всё более и более расширялась, советское правительство систематически и настойчиво предлагало державам Антанты начать переговоры о прекращении кровопролития и открытии мирных переговоров. 24 октября 1918 г. мирное предложение было сделано через посредство норвежского посланника в России. 3 ноября в НКВД были приглашены все находившиеся в Москве нейтральные представители, и через их посредство было передано письменное предложение державам Согласия об открытии переговоров с целью прекращения вооружённого конфликта. 8 ноября 1918 г. VI съезд советов заявил перед лицом всего мира держа-

но они оказали своё влияние, в частности, и на Ллойд Джорджа. Он прямо ссылается на эти предложения на заседаниях верховного совета. Таковы были причины, которые вызвали постановку Ллойд Джорджем «русского вопроса» на мирной конференции.

Прежде чем самый вопрос начал обсуждаться, произошёл письменный обмен мнениями между Великобританией и Францией. В начале декабря 1918 г. Ллойд Джордж обратился к Клемансо с нотой, в которой он предлагал, чтобы делегаты советского правительства были допущены на мирную конференцию в качестве представителей России. 5 января 1919 г. французское правительство решительно отклонило предложение Ллойд Джорджа. По поводу этого обмена мнениями У. Черчилль сообщает: «Британское правительство ещё в ноябре 1918 г. запросило державы союзной коалиции, не следовало ли сделать России какое-нибудь мирное предложение. И хотя эта идея не нашла никакого сочувствия среди французов, а в Англии слухи о ней вызвали возгласы протеста, тем не менее Ллойд Джордж опять поднял этот вопрос 16 января 1919 года»¹³.

Сам же Ллойд Джордж не упоминает о ноте, но отмечает, что «первая дискуссия между союзниками на тему о России происходила на межсоюзнической конференции в начале декабря. Эта дискуссия возникла по вопросу о том, должна ли Россия быть представлена на мирной конференции»¹⁴. Нужно думать (ибо Ллойд Джордж этого прямо не говорит), что эта дискуссия происходила между Ллойд Джорджем, Клемансо и Орландо на Лондонском совещании 2—3 декабря 1918 года. Полковник Хауз по болезни задержался в Париже и на этом совещании не присутствовал.

На совещании мнения по вопросу о представительстве России разделились следующим образом. Клемансо решительно высказался против какого-либо представительства от России, «которая ещё в ходе войны предала дело союзников. Мир, который теперь должен быть установлен, России уже не касается»¹⁵. Ллойд Джордж высказал прямо противоположное мнение. Указав на жертвы, понесённые Россией в ходе общей войны, и на вину царского правительства, Ллойд Джордж продолжал: «Россия в конце концов представляет собою почти две трети Европы и большую часть Азии. Это проблема, от которой мы не можем никуда уйти. Может ли она быть рассмотрена, если русский народ не получит права высказаться на конференции по вопросам, его касающимся? Дело, которое касается почти 200 миллионов человек, невозможно разрешить, не выслушав их. Невозможно пригласить на конференцию татар, финнов и латышей и не пригласить большевиков, которые представляют две трети всего населения России. Большевики, что бы о них ни думали, ведут, повидимому, за собою большинство населения. Это факт, печальный факт, без сомнения, но нельзя игнорировать факты только потому, что они неприятны»¹⁶.

вам Соглашения, что советское правительство предлагает им начать мирные переговоры. Это заявление было передано по радио. 23 декабря 1918 г. представитель РСФСР в Стокгольме М. М. Литвинов ещё раз довёл до сведения посланников держав Соглашения в Стокгольме о желании советского правительства мирно разрешить все спорные вопросы. Наконец, им была послана специальная телеграмма с таким же предложением приехавшему в Лондон президенту Вильсону 24 декабря 1918 года. 17 января 1919 г. последовало новое мирное предложение советского правительства, сделанное правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США. Все эти мирные обращения советского правительства вплоть до начала 1919 г. не имели никакого успеха. Державы Антанты были ослеплены своей недавней победой над Германией и мечтали одержать такую же победу над Советской Россией.

¹³ Черчилль У. «Мировой кризис», стр. 108.

¹⁴ Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 553.

¹⁵ Там же, стр. 354.

¹⁶ Там же, стр. 355.

Таким образом, в этом столкновении между Клемансо и Ллойд Джорджем последний занял не только политически ясную, но и притом решительную позицию. Тем не менее он не довёл эту дискуссию до конца, сославшись на отсутствие представителя США. Для борьбы с Клемансо Ллойд Джорджу нужен был союзник в лице Вильсона или его заместителя полковника Хауза. Дискуссия была отложена. Она тем не менее продолжалась, но уже в рамках британского имперского кабинета. Здесь, однако, Ллойд Джордж занимал не столь чёткую и не столь решительную позицию. Эта дискуссия касалась уже не только вопроса о приглашении большевиков на мирную конференцию, но и всего «русского вопроса» в целом.

Основным документом, позволяющим осветить обстановку во время дискуссии по «русскому вопросу» в имперском кабинете, начиная с 31 декабря 1918 г., является протокол заседаний, приводимый Ллойд Джорджем в его книге «Правда о мирных договорах». Сторонниками продолжения интервенции были два участника дискуссии: Керзон и У. Черчилль. Что касается Керзона, Ллойд Джордж несколько идилически описывает его аргументацию в пользу продолжения интервенции. «Он чувствовал, — пишет Ллойд Джордж, — особую страсть к Кавказу. За несколько лет до того он сам побывал на Кавказе и проникся нежностью к храбрым горцам. Мысль о том, что Грузия может оказаться во власти большевиков, наполняла Керзона ужасом»¹⁷.

В основе «нежности Керзона к храбрым горцам Кавказа» лежали, как известно, далеко не сентиментальные эмоции, а вполне реальная политическая концепция. Дело было в кавказской нефти и путях в Индию. Английские войска в Грузии должны были обеспечить путь к нефти и преградить путь в Индию. Значительно яснее была позиция Черчилля, изложенная им самим на заседании имперского военного кабинета 31 декабря 1918 года. Он — сторонник совместных действий пяти великих держав. Интервенция должна быть коллективной, а не индивидуальной и проводиться соединёнными силами. «Мы должны сказать русским, — заявил Черчилль, — что если они согласны договориться между собою, то мы им поможем, а если они откажутся, мы применим силу, чтобы восстановить прежнее положение вещей»¹⁸.

Программа ясная, включая и формулу «прежнее положение вещей». Против открыток сторонников интервенции выступил Ллойд Джордж. Он прежде всего подчеркнул сложность вопроса и признался, что «сам уже не раз склонялся то к одному, то к другому решению, ввиду полной противоречивости сообщений, поступающих из России от людей, одинаково заслуживающих доверия»¹⁹.

Это — очень ценное признание в устах Ллойд Джорджа, свидетельствующее о колебаниях и зигзагах его политики по отношению к Советской России. На этом этапе он выступил против вооружённой интервенции. В качестве аргумента в пользу своей позиции он привёл пример немцев, которые были на расстоянии выстрела от Петрограда, имели совместно с австрийцами около миллиона солдат, но «застряли в трясины русского фронта, из которой большинству не удалось выбраться». Между тем у союзников менее 100 тыс. войск, и то только на окраине России. «Где нам найти войска, которые могли бы совершить поход в сердце России и оккупировать всю страну?!» — восклицал Ллойд Джордж. Согласятся ли английские солдаты пойти в этот поход? Военная интервенция может только укрепить ту силу, которую мы собираемся уничтожить, — заявлял Ллойд Джордж, — вспомните пример фран-

¹⁷ Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 358.

¹⁸ Там же, стр. 360 (разрядка моя. — Б. Ш.).

¹⁹ Там же.

цузской революции и английскую помощь контрреволюционной Вандее. «Единственно верный способ укрепить власть большевиков в России — это попытаться сокрушить их посредством чужеземных войск». Его вывод: кабинет должен не настаивать на военной интервенции в Россию. Следует пригласить представителей всех группировок в России предстать перед мирной конференцией, и тогда они смогут разрешить свои разногласия²⁰.

Заметим, что позицию Ллойд Джорджа, занятую им на заседании имперского военного кабинета, разделяли сэр Роберт Борден (премьер-министр Канады) и Юз (премьер-министр Австралии). Казалось бы, что против аргументации Ллойд Джорджа ничего нельзя возразить и что единственным выходом из положения являлось решение об отказе от военной интервенции и об отзыве английских войск из России.

Между тем решение, принятое 31 декабря и уполномочивавшее Ллойд Джорджа изложить мнение Великобритании на предстоящем заседании верховного совета, было вовсе не такое, какое могло вытекать из антиинтервенционистской позиции Ллойд Джорджа. Выступавший на заседании кабинета лорд Роберт Сесиль также высказался против вооружённой интервенции, заявив, что «успех всякого вторжения в Россию является фантазией». Однако он же «указал на обязательства перед теми, кому мы помогали и кого мы не можем вдруг покинуть на произвол судьбы». Более того, Роберт Сесиль заметил, что «большевики собираются напасть на Румынию и другие соседние страны, например, Польшу». «Имперский военный кабинет, — сказал он, — должен считаться с возможностью такой агрессии! Он должен будет помочь этим странам отстоять себя»²¹.

Именно эта аргументация Роберта Сесилия и была положена в основу решения военного кабинета. Решение, как говорит Ллойд Джордж, общего характера «заключалось в том, что в случае агрессии большевиков против какого-либо из тех правительств, с которыми мы сотрудничаем, мы поддержим эти правительства всеми средствами, кроме военной интервенции».

В этом заключался компромисс между сторонниками и противниками военной интервенции, компромисс, который, в сущности говоря, оставлял всё по-старому. В самом деле, решения об отзывании британских войск из России и о полном прекращении военной интервенции вынесено не было. Условие, при котором допускалась помощь всеми средствами правительствам, «с которыми мы сотрудничаем», т. е. Декинину, Колчаку, Юденичу и др., — «агрессия большевиков», — было более чем двусмысленным в период гражданской войны. В сущности говоря, ничего не было решено, и Ллойд Джорджу была предоставлена возможность вести переговоры по «русскому вопросу» с союзниками на весьма широкой базе, допускавшей возможность самых разнообразных линий поведения.

Таким образом, дискуссия, начавшаяся с вопроса о представительстве России на мирной конференции, не принесла решения ни по этому вопросу, ни по более широкой проблеме политики по отношению к России как на Лондонском совещании союзников 2—3 декабря 1918 г., так и на заседании имперского военного кабинета 31 декабря 1918 года. Однако «русский вопрос» не принадлежал к числу таких проблем, которые можно было легко отодвинуть на задворки мирной конференции. В начале января 1919 г. дискуссия возобновилась. Ллойд Джордж пишет, что эта дискуссия возобновилась 16 января 1919 г. по его инициативе.

²⁰ Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 363.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 364.

Это не совсем точно: Уже на заседании 12 января 1919 г. в Совете десяти началась дискуссия по «русскому вопросу», и притом не по инициативе Ллойда Джорджа, а вследствие того, что маршал Фош представил меморандум, касающийся русских военнопленных в Германии. Этот меморандум, датированный 11 января 1919 г., обсуждался на Совете десяти 12 января. В меморандуме указывалось на то, что положение 1200 тыс. русских пленных в Германии очень тяжёлое и требует принятия срочных мер. Однако эти мероприятия должны учитывать прежде всего опасность превращения русских военнопленных в дополнительный резервуар Красной Армии. Поэтому Фош предлагал, во-первых, улучшить материальное и моральное положение военнопленных, а, во-вторых, отправлять их в те части России, «которые свободны от советского режима». Принимая во внимание, что отправка в Сибирь очень сложна, что в Архангельск и Мурманск в течение зимы вообще отправлять невозможно, а также, что балтийские провинции в последнее время захвачены большевиками, Фош предлагал организовать отправку русских военнопленных в первую очередь в Польшу, а во вторую очередь — в Южную Россию, т. е. к Деникину²³.

В начале обсуждения меморандума Фоша Ллойд Джордж заявил, что вопрос, поднятый в этом меморандуме, является частью общей проблемы политики в отношении России и должен поэтому обсуждаться в общем плане. Тем не менее меморандум Фоша вызвал краткий обмен мнениями по существу. Было решено поручить Фошу отредактировать статью договора о перемирии, дающую право союзникам выбирать пункты, куда должны быть отправлены русские военнопленные из Германии. В тот же день, 12 января, на послеобеденном заседании Совета десяти снова встал «русский вопрос» в связи с проблемой представительства России на мирной конференции. Пишон доложил, что ряд лиц, как Сазонов, князь Львов и др. (включая социалистов, как он заметил), просят о допущении их на мирную конференцию в качестве представителей России. Пишон внёс предложение: Россия как государство не будет представлена на конференции, но последняя может выслушать лиц, которые он наметил. Ллойд Джордж выступил с протестом против предложения Пишона. Он считал необходимым прежде всего установить контуры общей политики по отношению к России и, в частности, решить, отзывать ли войска из России, или, наоборот, усиливать их. Он отметил, что все названные Пишоном лица (князь Львов и др.) представляют различные мнения, за исключением того, которое является господствующим в России. Когда Вильсон спросил, что он считает господствующим мнением, Ллойд Джордж ответил: русские крестьяне принимают большевизм по тем же самым соображениям, по которым французские крестьяне приняли революцию, а именно потому, что им дали землю. Большевики являются правительством де факто. Мы формально признавали царское правительство, несмотря на то, что мы в своё время считали его совершенно гнилым. Основанием для признания с нашей стороны было лишь то, что это было правительство де факто. Мы признаём Донское правительство, Архангельское правительство и Омское правительство не потому, что мы считаем их хорошими, но мы отказываемся признавать большевиков... Возможно, что большевики не представляют Россию, но князь Львов безусловно её не представляет, и тем менее Савинков, несмотря на то, что он хороший человек. Британское правительство делало точно такую же ошибку, когда оно считало (в XVIII в.), что эмигранты представляют Францию. Это привело к войне, которая длилась 25 лет... Он, Ллойд Джордж, не делает никакого конкретного предложения в настоящий момент, но он протестует

²³ Papers relating to the foreign relations of the United States. Paris Peace Conference. 1919. Vol. III, pp. 479, 480.

стует против возможности выбора представителей для народа, насчитывающего более 100 млн. человек²⁴.

Пишон заявил, что он согласен, чтобы названные им лица отнюдь не считались представителями России. Ллойд Джордж ответил, что общественное мнение будет их считать (если их допустят) представителями России. Если хотят знать их мнение, можно его узнать либо при помощи меморандумов либо в частном разговоре. Было решено, что Россия не будет представлена на конференции, но что лица, названные Пишоном, а также и другие могут быть опрошены персонально или изложить своё мнение при помощи меморандумов²⁵.

Это решение чрезвычайно характерно для тактической линии Ллойд Джорджа. Решение 12 января 1919 г. представляет собою несомненную победу Пишона — Клемансо и полную сдачу позиции Ллойд Джорджа. Вся его приведённая выше филиппика против нелепости непризнания советского правительства при одновременном признании контрреволюционных правительств Дона, Сибири, Архангельска и других, все его исторические ссылки на французскую революцию и ошибки Питта, все его протесты против назначения или выбора представителей многомиллионного русского народа — всё это осталось пустозвонной риторикой. Фактом было решение Совета десяти от 12 января 1919 г., что Россия не будет представлена на конференции. Ллойд Джордж в первом же столкновении сдал свои позиции.

Интересно отметить роль президента Вильсона на этом заседании. Он ограничился лишь одним вопросом, брошенным Ллойд Джорджу. Между тем нельзя сказать, чтобы вопрос о представительстве России на мирной конференции был для Вильсона новым. Он занимался этим вопросом с ноября 1918 года. В начале 1918 г. межпартийная лига «Возрождения свободной России» (одна из русских эмигрантских организаций в США) подала Вильсону меморандум, в котором, в частности, требовала признания Соединёнными Штатами Омского правительства, а равно признания за Россией равноправного представительства на мирной конференции. «Америка и все союзники, — писали представители этой лиги, — не могут никогда забывать, что русский народ и русская армия принесли неисчислимые жертвы кровью и имуществом в течение первых лет войны для свободы всего мира и спасения цивилизации»²⁶.

Вильсон переслал этот меморандум государственному секретарю Лансингу со следующей запиской от 20 ноября: «Мой дорогой Лансинг. Я прочёл прилагаемое, конечно, с неподдельным интересом, но осуществимо ли, с точки зрения нынешнего, по крайней мере, расчленения России на пять частей — Финляндию, балтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь и Украину, — дать России представительство на конференции или допустить хотя бы часть её путём признания Омского правительства и допущения его делегатов. Сердечно и т. д. Ваш В. Вильсон»:

Лансинг ответил на эту записку 26 ноября письмом, представляющим значительный интерес для оценки американской позиции в «русском вопросе». После некоторого вступления, представляющего собою скорее общие рассуждения, Лансинг переходит к следующим конкретным предложениям: прежде всего он считает необходимым «поставить в известность Францию, Великобританию, Италию и Японию, что мы хотим употребить все усилия для обеспечения интересов России и что с этой целью мы предлагаем настаивать, чтобы «русские вопросы» рассматривались как часть целого, а не как отдельные проблемы, вытекающие из временного расчленения. В начале войны не было армии, превосходя-

²⁴ Paris Peace Conference, p. 491.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Foreign relations of the United States. Paris Peace Conference. Vol. I, p. 269.

щей по духу русскую армию; не было армии, которая могла так заметить отсутствие артиллерии преданностью и самоотверженностью простых людей. Россия уплатила свою часть как великая нация в достижении победы над Германией, и вследствие этого её народ имеет право на участие и совет в усилиях установить контроль в его собственных делах. Второе обстоятельство заключается в решении, что только делегаты от Учредительного собрания или от центрального правительства России, основанного на демократических принципах, могут быть допущены к подписанию мирного договора; в промежутке признанные представители существующих элементов порядка в России должны быть допущены перед конференцией и должны быть заслушаны по вопросам, которые их касаются и в которых интересы России могут быть затронуты. Специальная секция конференции должна заниматься исключительно русскими делами с обязательством изучить и установить мнение народа различных частей России»²⁷.

Если из письма Лансинга удалить словесную шелуху и обычную патетику, то позиция государственного секретаря может быть представлена в следующем виде: само собою разумеется, не может быть и речи о признании советского правительства, а равно о признании его права представлять Россию на мирной конференции. Такое признание, естественно, сводило бы на-нет программу расчленения России, которой в это время придерживалось правительство Соединённых Штатов. Вопрос о вооружённой интервенции тщательно обходился, но идея «помощи» всем отделившимся от России государственным образованиям всячески поддерживалась. Что представляла собою эта «помощь» в период гражданской войны, вряд ли нужно пояснять. Американская точка зрения на «русскую проблему» была высказана и в другом документе, датированном октябрём 1918 г. — в официальном комментарии к 14 пунктам Вильсона. В нём соответствующий (6) пункт Вильсона интерпретировался следующим образом: «Итак, в ближайшем будущем сущность русской проблемы, повидимому, сведётся к следующему: 1) признание временных правительств, 2) предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства. Кавказ придётся, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т. е., коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придётся предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората»²⁸.

При наличии подобной программы расчленения России (не следует забывать, что цитированный нами официальный комментарий был составлен полковником Хаузом и одобрен самим Вильсоном), конечно, не могло быть и речи о допущении представителей Советской России на мирную конференцию. Удобнее и свободнее было решать «русский вопрос» без них.

Как мы видели выше, дискуссия по вопросу о представительстве России на мирной конференции привела к постановке общей проблемы политики по «русскому вопросу». Генеральная дискуссия началась на заседании Совета десяти 16 января 1919 года. Об этой дискуссии мы имеем данные трёх источников: главу «Русский вопрос» в книге Ллойд Джорджа «Правда о мирных договорах», протокольную запись заседания Совета десяти от 16 января и последующих заседаний, опубликованную государственным департаментом США в томе III «Foreign relations of the U. S. Paris Peace Conference», соответствующие места из книги У. Черчилля «Мировой кризис» и, наконец, разбросанные замеча-

²⁷ Foreign relations of the United States. Paris Peace Conference. Vol. I, p. 271.

²⁸ Архив полковника Хауза. Т. IV, стр. 152—153.

ния в ряде мемуаров, замечания, не имеющие документального характера. Протокольная запись позволяет обнаружить известное «причёсывание», которому подверг Ллойд Джордж в более поздний период свои высказывания на Совете десяти. То же самое можно сказать и о «Мировом кризисе» Черчилля, с той разницей, что последний в период выхода в свет своей книги не считал нужным исправлять или смягчать свою антисоветскую позицию 1919 года.

Заседание 16 января 1919 г. (утреннее) началось в части, касающейся «русского вопроса» с заявления Ллойда Джорджа о том, что его позиция, как и позиция британского правительства, по вопросу о представительстве России, высказанная на предыдущем заседании (т. е. 12 января), была неправильно понята. Он никогда не предлагал признание большевистского правительства в том смысле, чтобы ему было предоставлено место на мирной конференции. Он предлагал только, чтобы различным борющимся группировкам в России было предложено заключить перемирие. Когда перемирие будет заключено, представителям различных правительств будет предложено явиться в Париж изложить свою позицию и получить, если возможно, от союзников те или иные предложения для улажения разногласий между ними. Британское правительство в полном согласии с французским считает, что Россия не может быть поставлена в такое же положение, как, например, Бельгия (т. е. должна быть поставлена в худшее положение нежели Бельгия. — Б. Ш.) Пишон неправильно понял его, думая, что британское правительство считает нужным предоставить России права члена конференции²⁹.

Характерно, что эти «разъяснения» своей позиции, которые Ллойд Джордж давал Пишону, он опускает в главе «Русский вопрос» своей книги. Разъяснения понадобились Ллойд Джорджу в связи с тем, что французская печать немедленно после первых его выступлений, которые мы цитировали выше, подняла невероятный вой по поводу того, что Ллойд Джордж намерен пригласить большевиков в Париж. Эта газетная кампания была инспирирована Клемансо и Тардые. Сам Ллойд Джордж пишет по этому поводу: «Когда разнёсся слух, что я предлагаю пригласить их (большевиков. — Б. Ш.) на конференцию, парижская правая печать подняла шум, а в кулуарах палаты депутатов поднялась буря негодования»³⁰.

В результате этой газетной кампании, а также категорического заявления Клемансо о том, что он «большевиков в Париже не допустит», Ллойд Джордж постарался успокоить французов. Таким образом, заявление Ллойда Джорджа о том, что его предложения не означают ни признания советского правительства, ни предоставления Советской России места на конференции, является первым отступлением Ллойда Джорджа.

На заседании 16 января Ллойд Джордж выступил с большой программной речью по «русскому вопросу». На этом же заседании выступили президент Вильсон, Клемансо, Соннино и Орландо.

Сущность выступления Ллойда Джорджа на заседании 16 января 1919 г. сводилась к следующим тезисам: следует отметить полное незнание фактического положения в России. Информация о положении в России противоречива и неточна, «большевистское правительство теперь сильнее, чем несколько месяцев тому назад»; «крестьяне боятся, что любые другие партии, если им удастся, восстановят старый режим и отнимут землю, которую дала крестьянам революция».

Украина, которая считалась до сих пор оплотом против большевизма, вовсе не является таковым. «На Украине начинается то же движение, которое нашло своё полное завершение в Великороссии».

²⁹ Paris Peace Conference. V. III, p. 581.

³⁰ Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 389.

Для уничтожения большевизма силою нужна армия в миллион человек. Об этом свидетельствует пример немцев. Кто из западных союзников готов на это? Во всяком случае, не Англия. Союзные войска в Сибири и на севере России отнюдь не склонны продолжать кампанию и уже твёрдо решили вернуться домой. Что касается добровольцев, то вряд ли найдётся тысяча человек, которые согласились бы отправиться в Россию.

Другая возможная политика по отношению к России (если не продолжать военную интервенцию), так называемая политика «санитарного кордона», означала бы попытку уморить Россию голодом. «Наша блокада России привела бы к убийству простых русских людей, с которыми мы хотим быть в дружбе». Могут сказать, что это приведёт к падению власти большевиков. Но это неверно. Кто может в России опрокинуть большевиков? Генерал Нокс сообщает, что чехословацкие войска в России уже заражены большевизмом и не могут более считаться надёжными. Войскам Колчака это тоже не под силу.

Единственно возможный путь — это план, который он предлагал ранее; он имеет в виду пригласить представителей различных русских правительств встретиться в Париже после того, как они заключат между собой временное перемирие. «Нас уверяют, что если большевистские посланцы приедут во Францию и Англию, они сразу же обратят в свою веру французский и английский народы. Вполне возможно, что большевизм распространится в этих странах. Но это не будет результатом визита нескольких русских»³¹.

Президент Вильсон сказал, что нельзя ничего возразить против соображений, выдвинутых Ллойд Джорджем. «Совершенно несомненно, — сказал он, — что за большевизмом стоит огромная сила». Большевистские лидеры черпают свои силы отчасти из постоянной угрозы иностранной интервенции. Эта угроза помогла им объединить вокруг себя народ. Он полагает поэтому, что «английское предложение — единственное, которое может дать какие-нибудь результаты»³².

В конце своей речи Вильсон выставил одно конкретное условие, формулировка которого сразу поясняет непосредственную цель предложения о перемирии. Он сказал: «Если бы большевики воздержались от нашествия на Литву, Польшу и Финляндию и т. д., мы очень хорошо поступили бы, позволив всем русским группировкам, без исключения, послать своих представителей в Париж». Тот факт, что в декабре 1918 и январе 1919 г. советская власть укрепилась в Литве, Латвии и Эстонии, произвёл огромное впечатление на британское правительство. Теперь этот мотив был повторен Вильсоном. Нужно было преградить путь распространению большевизма. Если это не удалось сделать силой, может быть, удастся путём перемирия и допущения представителей советского правительства в числе других на мирную конференцию.

Противники предложения Ллойд Джорджа — Вильсона, французы Клемансо и Пишон и итальянцы (Орландо, Соннино), на этом заседании не выступали. Пишон предложил заслушать прибывшего в Париж из Советской России бывшего французского посла Ж. Нуланса; Соннино предложил заслушать также бывшего датского посланника в России — Скавениуса. Решено было заслушать обоих на следующем заседании.

Это заседание состоялось 20 января (Ллойд Джордж ошибочно пишет, что оно было 21 января) и продолжено 21 января 1919 года. Сначала был заслушан Нуланс. Как известно, этот человек оставил чрезвычайно дурную память о себе в Советской России в связи с той ролью, которую он играл в руководстве вооружённой интервенцией в 1918 г. во

³¹ Paris Peace Conference. Vol. III, p. 581—582; Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 366—369.

³² Ibidem, p. 584; Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 371.

время своего пребывания (вместе со всем дипломатическим корпусом) в Вологде. Именно Нуланс французское правительство избрало в качестве «свидетеля», который должен был произвести впечатление на Совет десяти и заставить его принять решение о продолжении вооружённой интервенции. Нуланс не оправдал надежд, которые на него возлагались. Вот как рисует Ллойд Джордж «свидетельские» показания Нуланса: «Он не был беспристрастным свидетелем. Это был человек напыщенный, склонный к сентенциям, а не к тому, чтобы сообщать факты. Это были не показания свидетеля, а неумные и неглубокие взгляды сторонника определённой партии. Нуланс повторял сплетни и пересуды парижской крайней правой прессы об ужасах большевизма»³⁰.

Ллойд Джордж отмечает, что сами французские министры были разочарованы свидетелем, которого они выпустили на сцену. Другое впечатление произвели показания Скавениуса. Он попытался дать анализ внутреннего положения России. По словам Скавениуса, за большевиков стоит большинство крестьян и рабочих. Что касается антибольшевистских сил, то последние рекрутируются из числа «представителей высших классов, помещиков и офицеров». Скавениус высказался за продолжение вооружённой интервенции, но только большими силами. С малыми силами выступать бесполезно, ибо «наши войска через несколько месяцев могут заразиться большевизмом». Антибольшевистские русские войска без поддержки иностранных армий явно ненадёжны. По мнению Скавениуса, большевики апеллируют к патриотизму мелкой буржуазии. Они убеждают её, что союзники — империалисты и что они намерены эксплуатировать Россию точно так же, как делали это немцы³¹.

Скавениус был, конечно, значительно более вдумчивым наблюдателем событий в России, нежели его французский коллега Нуланс. Выводы Скавениуса, что большевиков можно надеяться подавить только «большими силами», в общем шли навстречу настроением и намерениям Ллойда Джорджа. Его позиция получила ещё большее подкрепление, когда президент Вильсон огласил на утреннем заседании 21 января телеграфное сообщение сотрудника американского посольства в Лондоне Буклера о его разговоре с представителем Советской России — М. М. Литвиновым в Стокгольме³².

Ещё до получения телеграммы Буклера, 16 января, государственный департамент в Вашингтоне переслал в Париж американской делегации телеграммы от поверенного в делах Дании в Петрограде Нордлиена. Последний, по просьбе Чичерина, передавал обращение (без прямого адреса) на имя правительства США. Чичерин, ссылаясь на выступление председателя комиссии по иностранным делам сената США, сенатора Хичкока, критиковал приводимые последние объяснения причин вооружённой интервенции, требовал её прекращения и, напоминая о многочисленных советских предложениях мирных переговоров, снова предлагал их начать. Телеграмма Чичерина и телеграфный отчёт Буклера о разговорах с Литвиновым пришли почти одновременно. Сообщение Буклера интересно как новое подтверждение готовности советского правительства пойти на уступки союзникам с целью добиться прекращения военной интервенции, и притом в вопросах, наиболее интересовавших союзников (долги и иностранная собственность). Интересны также и выводы Буклера относительно политики, проводившейся союзниками по отношению к Советской России.

³⁰ Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 372.

³¹ Paris Peace Conference. Vol. III, p. 634—642; Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 372—374.

³² По телефонному распоряжению Вильсона из Парижа Буклер выехал 8 января 1919 г. в Стокгольм для свидания с Литвиновым. 18 января Буклер прислал телеграфный отчёт о разговорах, которые он имел с Литвиновым 14, 15 и 16 января 1919 года.

Буклер пишет: «Военная интервенция и оккупация России, даже если они в конечном итоге будут успешными, потребуют неопределённо большого времени... Несмотря на осторожную манеру говорить, применявшуюся Литвиновым, я полностью убедился в том, что мы можем заключить соглашение, обеспечивающее иностранные интересы и иностранные долги, если мы не очень урежем русскую территорию. Если Сибирь и угольные и нефтяные месторождения будут потеряны Россией, то условия относительно долгов будут пропорционально ухудшены»³⁶.

В подчеркнутых строчках сформулирована вся политика военной интервенции: территория, нефть, уголь — вот каковы были подлинные цели этой интервенции.

После зачитания президентом Вильсоном доклада Буклера утреннее заседание Совета десяти закрылось. Оно возобновилось в тот же день, 21 января 1919 г., в три часа дня. На этом заседании было принято решение о созыве конференции представителей всех русских правительств и партий.

Вот что происходило на этом заседании.

Положение в России. Г. Клемансо сказал, что они собрались с тем, чтобы решить, что можно сделать в России при существующих обстоятельствах.

Президент Вильсон поставил на обсуждение поправку к предложению Ллойд Джорджа. Он предложил бы различным организованным группам в России прислать своих представителей не в Париж, а в какое-либо другое, более доступное место, как-то Салоники; они там встретили бы представителей, назначенных союзниками, с тем, чтобы попытаться выработать программу, на базе которой можно было бы прийти к какому-либо соглашению.

Ллойд Джордж подчеркнул, что преимущества этого плана заключаются в том, что русские представители могли бы прибыть туда непосредственно из России через Чёрное море, избегнув таким образом необходимости проезда через другие страны...

...Президент Вильсон попросил разрешения указать на один аспект ситуации. Как сказал Г. Соннино, всем им большевизм отвратителен, и поэтому они выставили против большевиков вооружённых людей. В русской ситуации ясно одно: борясь с большевиками с оружием в руках, они на самом деле помогают делу большевизма. Союзники дают большевикам возможность говорить, что империалистические и капиталистические государства пытаются эксплуатировать их родину, хотят вернуть землю помещикам и вызвать реакцию. Если б было возможно доказать, что всё это не так и что союзники готовы вести переговоры с правителями России, этот аргумент в большой степени потерял бы свою моральную силу. Обвиняя союзников в том, что они выступают против народа и вмешиваются в его внутренние дела, большевики вербуют свои армии. Если бы, с другой стороны, союзники согласились, проглотив своё самолюбие и естественное чувство отвращения к большевизму, принять представителей всех организованных групп в одном каком-нибудь месте, то, по мнению Вильсона, это могло бы вызвать известную реакцию против большевизма.

Клемансо заявил, что в принципе он относится отрицательно к идее переговоров с большевиками не потому, чтобы они были преступниками, а потому, что, показав, что мы считаем их достойными разговаривать с нами, мы их тем самым ставим на одну доску с собой. Большевистская опасность очень велика в настоящий момент. Большевизм распространяется. Он охватил Прибалтику и Польшу, а сегодня утром мы получили очень тревожные сведения относительно его рас-

³⁶ Paris Peace Conference. Vol. III, p. 646.

пространения на Будапешт и Вену. Италия также подвергается опасности. Там угроза сильнее, чем во Франции. Если большевизм, охвативши Германию, пересечёт Австрию и Венгрию и дойдёт таким образом до Италии, вся Европа окажется в угрожаемом положении. Поэтому надо предпринять что-то против большевизма. Слушая сегодня утром документ, представленный президентом Вильсоном, он был поражён ловкостью, с какой большевики пытались расставить ловушку для союзников. Когда большевики только что пришли к власти, они порвали с капиталистическими державами принципиально, теперь же они предлагают концессии и фонды как базу для переговоров с ними. Излишне говорить о том, что обещания их ничего не стоят, но если их выслушать сейчас, они вернутся к своему народу и скажут: «Когда мы предлагали им высокие принципы справедливости, союзники не захотели слушать нас. Теперь же, когда мы им предложили деньги, они готовы заключить с нами мир».

Конечно, он понимает, что его замечания не являются решением вопроса. Всё несчастье заключается в том, что союзники вынуждены срочно найти какой-то выход. После четырёх лет войны и тех страданий и потерь, которые она причинила, народ не в состоянии дальше терпеть. Правда, что и России нужен срочно мир. Но она ещё не завершила своего развития... Если бы в нашем распоряжении было время, я предложил бы выжидать, ибо в конце концов к управлению Россией пришли бы здравомыслящие люди. Но когда наступит это время, трудно предсказать. Поэтому нужно принять безотлагательное решение.

Резюмируя, Клемансо заявил, что если бы ему предстояло действовать от себя одного, он бы выжидал, вёл переговоры, одновременно воздвигая барьеры против большевиков. Однако он не один, и в присутствии своих коллег он испытывает необходимость идти на уступки, так как не должно было быть даже впечатления, что они не согласны между собой. После того как он прослушал предложение президента Вильсона, сделать эту уступку ему показалось легче. Он полагает, что надо обратиться ко всем разумным людям с чётким и убедительным заявлением, в котором было бы подчеркнуто, что союзники не намерены вмешиваться во внутренние дела России, а тем более восстанавливать царизм. Желая ускорить создание сильного правительства, союзники предлагают созвать конференцию из представителей различных партий. Он попросил бы президента Вильсона составить обращение, в котором была бы полностью освещена позиция союзников по отношению ко всему миру, включая Россию и Германию.

М-р Ллойд Джордж присоединился к последнему предложению и заявил о своём согласии с поправкой, внесённой президентом Вильсоном.

М-р Бальфур заявил, что так как всех этих представителей пригласят на равных основаниях, он полагает, что большевики откажутся от участия в конференции и тем самым поставят себя в невыгодное положение.

Г. Соннино выразил сомнение в том, чтобы большевики отказались приехать, напротив, он полагает, что большевики приедут первыми, так как они сами захотят быть на равной ноге с другими. Его предложение заключалось в том, чтобы собрать все антибольшевистские партии и помочь им составить сильное правительство, причём обязать их не поддерживать реакционные силы и в особенности не касаться земельного вопроса, благодаря чему большевики лишились бы своего самого убедительного аргумента... Ллойд Джордж изъявил желание задать несколько конкретных вопросов г. Соннино... В настоящий момент Британская империя держит от 15 до 20 тысяч человек под ружьём в России. Г. де Скавениус подсчитал, что для поддержки антибольшевистского правительства потребовалось бы ещё 150 тысяч. Генерал Франше

д'Эспере также настаивал на необходимости получить поддержку от союзников. Канада решила отвести свои войска, так как канадские солдаты отказались сражаться против русских. Подобное положение наблюдалось и среди других союзных войск. Ллойд Джордж выразил уверенность в том, что попытка со стороны Британии послать дополнительные войска в Россию вызвала бы мятеж.

Г. Соннино предложил вербовать добровольцев.

Г. Ллойд Джордж возразил, что таким образом нельзя собрать войска в 150 тыс. человек. Вместе с тем он спросил, какие средства выделили бы Америка, Италия и Франция для содержания подобной армии.

Президент Вильсон и г. Клемансо заявили, что они такими средствами не располагают.

Г. Орlando, со своей стороны, заявил, что Италия не в состоянии выделить средства для этого.

М-р Ллойд Джордж заявил, что большевики обладают армией в 300 тыс. человек, которые в скором времени сделаются хорошими солдатами. Чтобы воевать с ними, понадобилось бы, по крайней мере, 400 тыс. русских солдат. Кто станет их кормить, вооружать и платить им? Станут ли это делать Италия, Америка и Франция? Если они не могут этого сделать, какой смысл воевать с большевизмом? Речами его не победишь. Он искренне желал бы, чтобы предложение президента Вильсона в его настоящем виде было принято.

Г-н Орlando согласен, что вопрос, поставленный на обсуждение, очень сложен по причинам, которые получили полное освещение. Он согласен, что большевизм представляет серьёзную опасность для всей Европы. Для того чтобы предотвратить распространение эпидемий, санитары воздвигают санитарный кордон. Если бы такие же меры были приняты против распространения большевизма, его можно было бы победить, так как изолировать большевизм — значило бы задушить его. Италия сейчас вступила в период депрессии, явившейся следствием послевоенной усталости. Однако большевики смогли бы восторжествовать там только в случае, если бы создалась для этого благоприятная почва, как-то: глубокое разочарование итальянского народа в результате войны или экономический кризис. И то и другое могло бы привести к революции, что является эквивалентом большевизма. Поэтому он настаивает на принятии всех мер для обеспечения того, чтобы воздвигнуть этот кордон. Затем он предложил обсудить репрессивные меры. В этом направлении возможны два метода воздействия — применение силы либо физической либо моральной. Возражения, представленные Ллойд Джорджем относительно применения первого метода, слишком убедительны. Оккупация России означала бы содержание большого войска на неопределённый отрезок времени. Это было бы равносильно продолжению войны. Остаётся второй метод — моральное воздействие. Он согласен с г-ном Клемансо в том, что ни в одной стране анархия не может длительно существовать и что когда-нибудь придёт ей конец; однако они не могут ждать; вместе с тем нельзя заключать мир, игнорируя Россию. Поэтому предложение Ллойд Джорджа с тщательно продуманными поправками президента Вильсона и г. Клемансо представляет собой возможное решение. Это предложение не влечёт за собой необходимость вступить в сношения с большевиками: это является всего лишь попыткой собрать вместе все партии, существующие в России, с тем, чтобы найти выход из создавшегося положения. Поэтому г. Орlando готов поддержать это предложение.

Президент Вильсон высказался за то, чтобы представители союзных держав не определяли своего отношения к большевизму. Они должны были всего лишь доложить своим правительствам об обстановке, какую они застанут.

По мнению Ллойд Джорджа, представителям союзных держав должно быть предоставлено право заключить соглашения в случае, если конференция придёт к какому-нибудь решению задачи. Так, например, если им удастся прийти к соглашению по вопросу о созыве учредительного собрания, они смогли бы найти подобный компромисс, не задерживаясь для сношений со своими правительствами.

Президент Вильсон предложил снабдить представителей соответствующими инструкциями.

М-р Бальфур высказал мнение, что право участия в конференции даётся только по прекращении военных действий, ведущихся какой-либо одной стороной против другой.

Президент Вильсон согласился с этим.

Было решено, что президент Вильсон составит прокламацию и представит её на обсуждение на следующем заседании; в прокламации должно быть сказано, что все организованные партии в России приглашаются принять участие в конференции, которая состоится в Салониках или на Лемносе, для того чтобы обсудить с представителями союзных держав средства восстановления порядка и мира в России. Участие в конференции большевиков допускается только по прекращении военных действий³⁷.

Очень важно заявление Бальфура о том, что «большевики, вероятно, откажутся принять такие условия (равенство всех участников конференции) и тем самым поставят себя в очень невыгодное положение» (подчёркнуто мною. — Б. Ш.). Это заявление свидетельствует об отнюдь не блестящих способностях предвидения, обнаруженных г. Бальфуром (советское правительство, как известно, приняло приглашение участвовать на конференции на равных условиях с другими правительствами, а последние отвергли это приглашение и тем самым поставили себя в невыгодное положение), но оно свидетельствует о том, что некоторые участники заседания Совета десяти, в том числе Бальфур, выдвигали план созыва конференции на Принцевых островах с провокационной целью. Они рассчитывали, что советское правительство откажется принять это приглашение и тогда руки сторонников продолжения военной интервенции будут развязаны.

Второе заявление Бальфура — о том, что «отказ от военных действий по отношению к окружающим должен быть поставлен предварительным условием отправки большевистских представителей на эту конференцию», — не менее важно, чем его первое заявление.

Характерно, что «условия» выдвигаются Бальфуром только по отношению к советскому правительству, в то время как он перед этим говорил о равенстве условий по отношению ко всем участникам конференции. Подобная тактика никак не может быть названа иначе, нежели провокационной. Конечно, Бальфур находился под впечатлением того, что именно Красная Армия в это время наступала, и что было желательно во что бы то ни стало остановить это наступление, но от этого провокационный характер его заявления отнюдь не уменьшался. Именно это «условие» и было использовано впоследствии для срыва конференции на Принцевых островах. Не менее интересно (с точки зрения неустойчивой позиции Вильсона) заявление президента о том, что «делегатам союзных держав не следует давать полномочий занять ту или иную позицию в отношении большевиков. Они должны только сообщить своим правительствам о выяснившемся на конференции положении вещей». Вильсон хотел оставить для себя полную свободу действий. Хотя под нажимом Ллойд Джорджа, занявшего противоположную позицию, Вильсон согласился, чтобы союзным эмиссарам

³⁷ Paris Peace Conference, 1919. Vol. III, p. 647—653; Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 390—400.

были даны подробные инструкции, последние никогда не были выработаны.

В промежутке между утренним и дневным заседанием Совета десяти 21 января 1919 г. Ллойд Джордж собрал имперскую британскую делегацию и сделал ей доклад о заседании Совета и о предполагавшемся решении. Прения на заседании имперской делегации весьма поучительны.

Ллойд Джордж изложил имперской делегации уже известные нам сообщения Нуланса и Скавениуса. Далее, он сообщил, что сегодня имел беседу с ген. Франше д'Эспере, командующим войсками на Украине. Эта беседа происходила в присутствии Пишона. Генерал изложил французский план, осуществление которого, по мнению Ллойда Джорджа, «фактически означало бы, что союзники организуют войну с большевиками». Представитель Канады сэр Роберт Борден заявил, что не может быть и речи о посылке канадской армии, и высказался в пользу переговоров с советским правительством. Представитель Австралии Юз сказал: «Поскольку мы не можем вмешаться достаточно эффективно, надо, по крайней мере, удержать большевизм в пределах России, а для этого необходимо применить экономические меры воздействия. Применение силы может и не понадобиться, если большевики не выйдут за пределы России; в противном случае придется с ними воевать». Однако, когда Ллойд Джордж спросил, откуда взять для этого войска и пошлёт ли Юз для этого австралийские части, Юз ответил отрицательно. Более того, как Борден, так и Юз согласились с Ллойд Джорджем в том, что удерживать уже находящиеся в России части удастся весьма недолго. Ллойд Джордж выступил против всяких половинчатых решений. «Мы должны, — сказал он, — либо по-настоящему поддержать русских противников большевизма или не поддерживать их вовсе». Он предложил следующее решение: «Если не удастся примирить враждующие партии в России, мы должны открыто объявить, что прекращаем интервенцию и какие бы то ни было субсидии. С целью защиты государств, которые, по нашему мнению, должны быть самостоятельными, мы присоединимся к мероприятиям, предлагаемыми великими державами, для предотвращения всякого вторжения» (разрядка моя. — Б. Ш.). Несмотря на своё внешне отрицательное отношение к половинчатым решениям, Ллойд Джордж внёс именно половинчатое предложение. Что означала эта «защита» государств, да притом таких, которые, «по нашему (т. е. по английскому) мнению», должны были быть самостоятельными, мы знаем. Это была лазейка для вооружённой интервенции. Известно, например, что в 1918 и 1919 гг. союзники, по их словам, только и делали, что «защищали» Польшу Пилсудского и Финляндию Маннергейма против большевиков. Эту половинчатость и двусмысленность предложения Ллойд Джорджа отметил член делегации лорд Ридинг, задавший вопрос Ллойд Джорджу: «Не пришли ли мы к выводу, что не будем более принимать участия в интервенции, как бы ни сложились обстоятельства?» Ллойд Джордж поспешил отметить, что это не совсем так, и пояснил свою мысль: «Если французы согласятся допустить встречу с большевиками где-нибудь, скажем, в Салониках или на Лемносе, нам придётся временно, до окончания переговоров, задержать в России войска» (разрядка моя. — Б. Ш.). Решение имперской делегации было принято в соответствии с предложением Ллойда Джорджа и гласило:

«1) Премьер-министр и министр иностранных дел должны разъяснить при обсуждении этого вопроса, что мы не можем согласиться на продолжение интервенции в Россию или на субсидирование вооружённых сил других союзников, участвующих в операциях этого рода. Однако, если будет предпринята попытка примирить русские враждую-

щие партии, которую британские имперские уполномоченные могли бы признать удовлетворительной, например, вызов представителей различных партий для встречи в Салониках или на Лемносе, то военные силы Британской империи, находящиеся в настоящее время в России, не будут отозваны немедленно (Разрядка моя. — Б. Ш.).

2) Мы готовы участвовать во всех мероприятиях, какие великие державы признают необходимыми для защиты от вторжения любого из государств прежней России, независимость которого державы намерены установить»³⁸.

В промежутке между утренним и дневным заседаниями Совета десяти состоялась также встреча Клемансо с Ллойд Джорджем и Вильсоном. Клемансо категорически заявил, что он не может позволить большевистским делегатам приехать в Париж. Одновременно он пошел на уступки, согласившись на встречу где-либо в районе Средиземного или Чёрного морей. Компромисс, таким образом, был найден.

Окончательное место предполагаемой конференции (Принцевы острова) было установлено также не без дискуссии. После того как мысль о приезде делегатов русских групп в Париж была отвергнута, в качестве места конференции фигурировали Салоники или Лемнос. Однако оба места вызвали возражения. Известный свет на эти возражения проливают следующие замечания Ллойд Джорджа. «Очень характерно, — пишет он, — для всеобщего страха, вызванного большевиками, что нам было довольно трудно найти подходящее место для встречи с этой грозой Востока. Нельзя было найти ни одной страны, которая согласилась бы принять посланца Советов». Можно предположить, что против Салоник как места встречи возражал Венизелос, хотя документальных данных по этому вопросу мы не обнаружили. Что же касается Принцевых островов, то о выборе этого места встречи У. Черчилль в своей книге «Мировой кризис» писал: «В близком с ними соседстве находится другой остров, на который младотурки вывезли всех «бродячих» собак, которые ранее наводнили улицы Константинополя. Этим собакам, численностью в несколько десятков тысяч, было предоставлено пожирать друг друга и в конце концов подохнуть с голода. Путешествуя в 1909 г. на яхте одного из своих приятелей и посетив Турцию, я собственными глазами видел на скалистом побережье острова целые стаи этих собак. Их кости до сих пор ещё белеют на этом негостеприимном острове, и память о них до сих пор ещё сохранилась во всей окрестности. Сторонникам большевиков такое место казалось весьма неподходящим для мирной конференции, но их противники находили его вполне приемлемым»³⁹.

22 января 1919 г. на утреннем заседании Совета десяти президент Вильсон огласил текст составленного им обращения к русским политическим группировкам. На заседании Совета в тот же день, в 3 ч. 15 мин., как сказано в протокольной записи, «после дискуссии был одобрен следующий текст обращения для открытого (по радио) сообщения приглашаемым сторонам». Сама дискуссия по поводу текста, предложенного Вильсоном, в протокольной записи не приведена. Был принят следующий текст обращения: «Единственной целью, которую имели в виду представители объединившихся держав при обсуждении своей политики в отношении России, была помощь русскому народу, а не создание ему препятствий и не вмешательство каким-либо образом в его право устроить свои собственные дела по своему собственному решению.

³⁸ Ллойд Джордж. Цит. книга, стр. 378—389.

³⁹ Черчилль У. «Мировой кризис», стр. 108.

...Они признают абсолютное право русского народа устраивать свои собственные дела без какой бы то ни было диктовки или без указания извне. Они не желают эксплуатировать или использовать Россию каким-либо образом. Они безоговорочно признают революцию и никоим образом и ни при каких условиях не будут помогать или давать поддержку каким-либо посягательствам контрреволюции. В их желания и цели не входит содействовать или помогать какой-либо из организованных групп, борющихся за власть в России.

Объединившиеся державы ныне заняты торжественной и ответственной работой по установлению мира в Европе и на всём свете, и они вполне отдают себе отчёт в том, что Европа и весь мир не могут быть умиротворены, поскольку не умиротворена Россия. Они признают поэтому своей обязанностью и принимают её придти на помощь России в этом великом деле столь же великодушно, незаинтересованно, продуманно и охотно, как они пришли бы на помощь любому другому другу и союзнику, и они готовы оказать эту услугу путём, наиболее приемлемым для русского народа.

Действуя в этом духе и в этих целях, они приняли следующее решение. Они приглашают все организованные группы, которые ныне осуществляют и пытаются осуществлять политическую власть или военный контроль где-либо в Сибири или в пределах Европейской России, какими они были до только что законченной ныне войны (кроме Финляндии), послать представителей, не более чем по три представителя от каждой группы, на Принцевы острова в Мраморном море, где они будут встречены представителями объединившихся держав, при том, однако, условии, что на это время будет объявлено перемирие между приглашёнными сторонами и что все вооружённые силы, куда-либо посланные или направленные против любого народа или территории, находящихся вне границ Европейской России, какими они были до войны, или против Финляндии, или против иного народа, или территории, право которых на автономное существование предусмотрено в 14 пунктах, на которых основаны настоящие переговоры, будут тем временем отозваны и наступательные военные действия прекращены. Эти представители приглашаются вступить в совещание с представителями объединившихся держав самым свободным и откровенным образом, дабы убедиться в пожеланиях всех частей русского народа и дабы придти, если возможно, к некоторому соглашению, путём которого Россия могла бы определить свои собственные намерения и могли бы быть установлены счастливые отношения сотрудничества между её народом и иными народами мира.

Ожидается скорый ответ на это приглашение. Все возможные облегчения будут даны союзниками для поездки представителей, включая перевозку через Чёрное море, и все заинтересованные стороны получат одни и те же условия. Представители ожидаются в назначенном месте 15 февраля 1919 года»⁴⁰.

На этом послании закончилась первая фаза переговоров о конференции на Принцевых островах. Эта фаза обнимает сравнительно краткий период — с 12 по 22 января 1919 года. Вторая фаза этих переговоров, которая была направлена к срыву самой идеи мирной конференции с участием большевиков, потребовала большего промежутка времени (период между 22 января и 15 февраля 1919 г.). Анализ этой фазы переговоров позволяет сделать наиболее полные выводы относительно внешней политики союзников в «русском вопросе» периода начала Парижской мирной конференции и специально той её части, которая известна под именем «Принцевы острова». Но это составляет предмет особого исследования.

⁴⁰ Paris Peace Conference. Vol. III, p. 676.

Резюмируя вкратце некоторые положения, вытекающие из переговоров союзников на Парижской мирной конференции по «русскому вопросу» между 12 и 22 января 1919 г., мы считаем нужным отметить следующее: во-первых, эти переговоры блестяще подтвердили анализ, данный В. И. Лениным о двух тенденциях «среди буржуазии и правительств Антанты» по отношению к России. Следует иметь в виду, что этот анализ был дан Лениным в январе 1919 г., т. е. в то время, когда происходили описанные нами переговоры, содержания которых Владимир Ильич в тот момент не знал. Переговоры 12 — 22 января чётко выявляют эти две тенденции (Клемансо — Соннино, с одной стороны, Ллойд Джордж — Вильсон — с другой) и дают яркую картину тех колебаний, о которых писал В. И. Ленин.

Во-вторых, эти переговоры и тот компромисс (в виде решения о созыве конференции на Принцевых островах), которым они закончились к 22 января, дают отчётливое представление о дипломатической западне, которую готовили молодой Советской республике представители «мирной» тенденции в «русском вопросе».

Представители политики вооружённой интервенции и «санитарного кордона» считали, что единственной тактикой по отношению к Советской республике должна быть тактика вооружённой борьбы. Именно поэтому они и слышать не хотели о какой-либо мирной встрече с большевиками. Когда Ллойд Джордж и Вильсон вынудили их согласиться на встречу на Принцевых островах, они, дав своё согласие, тем не менее не сложили оружия, а в конце концов добились срыва ненавистной им конференции. Их тактика была ясна. Значительно сложнее была тактика представителей «мирной» тенденции. Мы знаем, какие блестящие аргументы приводил Ллойд Джордж, доказывая, что вооружённая интервенция обречена на провал. Делал ли при этом Ллойд Джордж неизбежные выводы, а именно, что необходимо полностью отозвать иностранные войска из России и вступить в действительно мирные и равноправные переговоры с советским правительством? Нет, не делал. Мы видели, что на заседании имперского кабинета Ллойд Джордж прямо сказал, что «пока британские войска останутся в России». Какие же цели преследовала конференция на Принцевых островах, по мысли авторов этого предложения? Первой тактической задачей было создать впечатление среди широких масс стран Антанты о мирных намерениях союзников. В январе 1919 г. такая обработка общественного мнения широких масс, волновавшихся по поводу того, что по окончании войны с Германией происходит война с Россией, была весьма необходима.

Во второй фазе переговоров один из руководителей Антанты — Соннино — прямо заявил, что самый факт предложения конференции на Принцевых островах был политическим выигрышем для держав Антанты. Этот выигрыш, несомненно, во много раз увеличился бы, если бы советское правительство отказалось принять предложение о конференции (на что рассчитывали некоторые деятели, например Бальфур). В этом случае представители Антанты выглядели бы сторонниками мира, а большевики — сторонниками войны. Вторая задача (в случае, если большевики приняли бы приглашение) заключалась в том, чтобы сделать вооружённую борьбу с Советской республикой политически более приемлемой в глазах собственного общественного мнения. Для этой цели необходимо было изобразить Советскую республику в качестве стороны, нападающей на окраинные государства (в частности на прибалтийские государства и Польшу), образовавшиеся после Октябрьской социалистической революции на территории бывшей Российской империи. Если бы при помощи предложения конференции на Принцевых островах удалось приостановить военные действия на Западном фронте (мы имеем в виду

прибалтийский и польский фронты), то задача расчленения России, которую ставили в этот период и Ллойд Джордж и Вильсон, была бы значительно облегчена. Вот почему обращение о прекращении военных действий имеет в виду в первую очередь именно Советскую республику и направлено к ней. Это обстоятельство особенно рельефно вскрылось во время второй фазы переговоров, которые привели к срыву конференции. Если бы эта задача не удалась, то самое изображение Советской республики в качестве нападающей стороны было бы также политическим выигрышем для интервентов и шло бы в том же направлении, как и возможный отказ советского правительства от участия в конференции.

Итак, приостановка военных действий Советской республики, в особенности при наличии создавшейся весьма невыгодной для интервентов военной обстановки, была первой и основной задачей предложения о Принцевых островах. Приостановка военных действий содействовала бы осуществлению программы расчленения России, программы, которая положена была в то время в основу «русской политики» как Ллойд Джорджа, так и Вильсона. Возможный отказ советского правительства от участия в конференции или неудача в вопросе о приостановке военных действий на самой конференции, не давая интервентам военной выгоды, представили бы для них несомненную политическую выгоду.

Такова была та дипломатическая западня для Советской республики, которая была весьма искусно расставлена в Париже в период между 12 и 22 января 1919 года. Советская республика не только избежала этой западни, но и поставила своих противников в чрезвычайно невыгодное положение. Ленин и Сталин разгадали существо предложения о Принцевых островах и его цели. В соответствии с правильным анализом была построена и правильная тактика советской дипломатии. Уже первая ставка авторов предложения о Принцевых островах оказалась битой, когда советское правительство приняло предложение о конференции. Им (авторам) пришлось находку менять свою тактику. Эта операция кончилась отказом от собственного предложения и провалом всей затеи с конференцией.
